

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Путь Алекса. Часть 1

Яркие лучи утреннего солнца, минуя итальянские жалюзи, ворвались в серую мглу комнаты, разукрасив ее сочными оттенками и тенями.

Луч остановился на веках Алекса, играя с черными ресницами и вырисовывая причудливую светотень под ними. Зрачок под веками задергался, медовые глаза, с вкраплением золота, медленно и нехотя распахнулись.

Оглядев комнату помутненным взглядом, облизнув потрескавшиеся губы шершавым языком, он начал подниматься с огромного дивана. Два девичьих тела лежали в разных углах. Растрепанные по плечам и спине, длинные волосы разных цветовых гамм, создавали иллюзию убитых ядом прекрасных муз.

— А третья где?

Он составлял список потерь этой оргии.

Встав с дивана, и хромая, как ягуар, словно Камаз расхерачил ему крестец, дошел до двери спальни. Два его друга, мирно посапывали, окруженные телами трех дев.

— Цела и невредима, — констатировал он, и поплелся на кухню, не сильно заморачиваясь над тем, кто были еще две бестии.

Сунув голову под кран, напившись из него, как усталый и одичавший путник после жаркой пустыни в оазисе, подошел к барной стойке, и, вынув сигарету, из мятой и мокрой пачки, хотел закурить. Зажигалка воспламенилась после третьего раза.

— Сакральное число, — прошептал и потрянул мокрыми волосами.

Он покрутил ее в руках, подумал, кто мог притащить сей шедевр. Бросив небрежно обратно, подошел к окну, глубоко затягиваясь сигаретой.

Во дворе молодые мамы гуляли с отпрысками. Лопатки последних стучали о ведра с песком так громко, отдаваясь эхом в ушах Алекса, будто стройбат рыл канаву и закапывал провода невидимой связи с центром.

— Я довольно часто меняю доверенных лиц, — совесть завела монолог с молчащим эго, — но это практика правильная, что залеживаться то?

По мере выкуриваемой сигареты, мир прояснялся, и простая цель огромными буквами замелькала перед глазами: **ВЫГНАТЬ ВСЕХ!**

Затушив ее, прошел в коридор и зычно прокричал в пространство:

— Мальчики, девочки!!! Настал новый день. Любовь и похмелье закончились. И я, как культурный и интеллигентный человек, предлагаю всем встать, выпить кофе и на такси ретироваться в солнечную даль, — он вяло махнул рукой в направлении двери.

Из спальни вяло вылетела подушка, шмякнулась у его ног, как помятый жизнью полуслепой кошак.

— О, бля... началось — на пол со стуком упало тело, заругалось матом, а через несколько секунд предстало перед Алексом.

— Чё ты с утра кипишуешь? Башка и так раскалывается, — произнес друг Толян, нервно крутя головой.

— Трусы хоть бы одел для приличия.

— Ты бы еще предложил нож никромунгеров найти, — и поплелся в туалет.

Квартира начала оживать. Девушки встали, накладывали макияж, пытаясь привести себя в

подобающий вид. Толян оделся и помогал Алексу варить кофе, путаясь под ногами и частя словами.

Вышел взъерошенный Славка, потянулся за косяк кухни, шумно зевнул, выпятив красивый в кубиках живот, поздоровался с братвой. Схватил первую чашку бодрящего напитка и вальяжно раскинулся на стуле.

— Да уж, все отдам за эту чашку кофе, — цокнул языком и с наслаждением начал пить черную амброзию, — ну как, пацаны, хорошо мы вчера оторвались?

Хитрый прищур глаз выдавал в нем Ильича в Разливе. Улыбка воспоминаний затопила лицо, а глаза ушли в небытие.

Толян заржал и ударил Алекса по плечу:

— Спасибо, брат.

— Не начинайте, — закатил глаза Алекс и показал на комнаты, — мадамам могут не понравится высказывания. Заканчиваем вечеринку утренним кофе. Созвонимся позже.

Когда за шумной толпой захлопнулась дверь, Алекс произнес:

— Старый жид хочет остаться один в домике и спокойно растить виноград пудами.

Он сел на диван, включил пультом музыку. Из динамиков понесся джаз. Голос Эллы Фитцджеральд с ее альбома «Cole Porter Songbook» хватал Алекса за грудки и бросал наверх безмятежности, где он получал свою долю счастья.

— Это можно слушать вечно, порядок в мыслях и доме важнее на сей момент.

Он осмотрел зал, увидел на полу липкий, длинный след от алкоголя и картинка разрывного секса, встала у него перед глазами.

Отчетливо возникли яркие, влажные губы Марины. Они оседали потоками шелковистых поцелуев на его паху. Периодически изо рта выскакивал острый язычок и проходил по его стволу, который стоял как новый знак на основной магистрали, и явно указывал дорогу в Шамбалу.

Маринка не выдерживала накала и нанизывалась всем ртом, пытаясь проглотить целиком это богатство, принадлежащее в данное время только ей. В какой-то момент она замирала, а член, пройдя в узкое горлышко, сотканное из алой, шелковой и захватывающей трясины, оседал в нем. Наступал момент полнейшего забвения и сладкой тишины. Только вырывающейся вздох Алекса, насыщенный хрипотцой, заполнял собой пространство, и наступала секунда благоговейной тишины, которая поворачивало время вспять.

Далее, приближение Эллы. Он видел холмики ее грудей, пружинисто играющие с освещением, розовато-золотистую щель, которая приоткрывалась при ходьбе. Ее перламутровые губки, сделанные из чистой радости, звали и манили, как песня сирен мореходов. Он хотел напиться их густой влаги, влезть в них ртом, и остаться навсегда в высоком тростнике мечты.

Но, она взяла бутылку текилы, вставила свои маленькие пальчики с кроваво-красным педикюром ему в рот. Выпила глоток, а остальное тоненькой струйкой из бутылки пускала по своему телу. Великолепная картина из фильма.

Текила проделывала свой тернистый путь по стройному телу дивы, вбирая запах и соль, присущие только ему и вливалась во влажный рот Алекса, разносясь ручейками по подбородку и шее. Эллы смеялась заразительно и пьяно, а Алекс смотрел немигающим взглядом на ее шикарную, манящую дырочку.

Поняв его желание, она расставила ноги и присела над его лицом. Пахнуло жаром кратера,

специями и чем-то неуловимым, обволакивающим его, проходящим огненным мистралем по чувствам, обнажая нервы.

Он смотрел на разверстую киску, упивался ее идеальной формой и красотой. Оружие его, казалось, стало тверже, и от пульсаций готово было выстрелить в прекрасный рот Маринки.

Алекс увидел белый сок, орошающий губки прелестницы. Он затаился в самом центре дырочки и вытекал медленной рекой, дразня и заводя его. Самец приподнялся, вонзился пальцами рук в упругие ягодицы девушки и впился ртом в киску, язык его слизывал сок.

Мужское начало смешалось с женским, образуя новый микс запаха, который распространился по комнате и впился тонкой струйкой прямо в сердце.

Элла стала мягкой как воск, она полностью села на лицо Алекса и начала судорожно елозить по нему. Амплитуда стала максимальной и нос самца был задействован в оргии. Страсть и накал становились сильнее. Он пожирал ее промежность сантиметр за сантиметром. Она же, горя желанием и похотью, не чувствовала боли, растворяясь в нем без остатка.

Маринка села на член мокрой пизденкой. Отверстие было небольшим и узким, Алекс чуть не кончил, но сдержал себя.

И вот эта тройца в тандеме. Закатывающая глаза и громко стонущая Маринка на дивном стоящем члене. Блаженство разлилось в ней, по ней и оседало маленькими капельками на теле Алексе. Пизденка, жаждущая и истекающая соками, шлепает по яйцам и лобку Алекса.

— Чвак, чвак..

Со звуком всасывающего вакуума она вбирает член в себя, где он, разносясь по лакомым точкам, бьет в центр мироздания головкой, отчего девушка приходит в неистовство и кончает раз за разом, только приглушенные крики бестии, срывают крышу самца, который, несмотря, на сидящую на его лице в экстазе Эллу, все слышит. ними, и обозрев взглядом свои владения, мужчина остается доволен. Впрочем, как всегда. Эта фирма уже не первый раз наводит порядок в его священном месте.

Поев и выпив бутылочку пива, клюет носом и решает вздремнуть.

Проснувшись бодрым, надевает форму, садится на свой любимый велосипед и до свидания разруха в мыслях, здравствуй активный отдых.

Пока Алекс мчится по городу и остатки спиртного из организма выветриваются скоростью, можно сказать пару слов о нашем герое.

Александр Денисович, для своих Алекс, был высок и крепок телом. Про таких девушки говорят; — кабанчик. Широкая крепкая грудь бывшего пловца, сильные руки, которые в свое время перелопатили тысячи кубометров воды, длинные крепкие ноги.

Раскосые медные глаза, спокойно и с достоинством смотрящие на мир, украшали золотистые вкрапления. Они как будто хранили тайну этого молодого человека, и одновременно делали его интригующим и интересным. Иногда, он поворачивался к собеседнику таким ракурсом, что становился похож на зверя, дикого и необузданного; темные волосы вздыблены, радужка желтая и черный зрачок смотрит в самое сокровенное собеседника, считывая информацию. Немигающий взгляд и готовность к прыжку. В такие моменты он напоминал деспотичного отца. Но, если тот построил свою империю в 90, яростно и немилосердно разбрасывая на своем пути карабкающихся к власти, то аллея Александра была проторенной и усыпанной розовыми кустами. Но это кажущаяся рафинированная перспектива.

В отличие от опыта отца, он был талантлив. Именно тяга к образованию и умение в хаосе найти цепочку взаимосвязей, сделали его первым в своем деле. Занимался он

юриспруденцией, и, распутывая, запутывал в нужном для себя направлении, долго тянувшиеся хозяйственные суды. Ставя точку быстро и лаконично, путем непредсказуемых манипуляций. Судьи только разводили руками.

Институтские годы.

Он бы мог представить, как подъезжает к вузу в папином уазике-«Гелентвагине», как синяя лампа играет на лицах однокурсников. Телохранитель выходит и открывает ему дверь, и, отгоняет людей, пытающихся дотронуться до него или пожать ему руку, сопровождая на занятия. А еще, чтобы он сказал ему: «Александр Денисович, здесь небезопасно», а он бы отвечал: «Ваня, дай мне побыть с людьми, я так устал смотреть на мир из окна «Мерседеса!». Ничего подобного не было. Папа подарил ему небольшую студию в центре и помахал рукой: — Удачи сынок. На созвоне.

Взвизгнули шины, и он растворился в серо-голубой дали.

Институтские годы запомнились моментами. Были подружки, смешные преподаватели, несколько пьянок с группой, студенческое братство из которых он вынес двух друзей; — Толяна, беззаботного дрыща и красавца Славку. Гранит науки не скрипел на зубах, легко доставался и проглатывался.

Алекс уже знал, кем он станет, вехи будущей профессии были намечены.

И в свои тридцать он имел громкое имя в адвокатских кругах, свою фирму и шикарную квартиру в новом элитном доме города.

Иногда, для друзей устраивал шумные вечеринки и расслаблялся сам, чувствуя себя шаловливым юнцом, а не старым, погрязшим в судебных разбирательствах адвокатом, пытающегося тянуть ляжку баржи под названием Россия.

А завтра настало утро.

В понедельник, Алекс любил рано приезжать в офис. Поставив машину на подземную парковку, щелкнул брелоком, Ягуар подмигнул неоном фар и замер в ожидании хозяина. Алекс направился к лифтам.

В одной руке он держал папки с документами, в другой стаканчик с терпким вкусом эспрессо. Кофе он покупал по дороге на работу в одном и том же заведении. Хозяин-турок с черными космическими глазами и неизменной счастливой улыбкой на тонких губах, варил отменное кофе; — черное, насыщенное и тягучее.

Алекс любил рано утром в понедельник заезжать к нему, и они обменивались новостями спорта. Турок болел за своих и сокрушался, что несколько ключевых игроков были травмированы перед чемпионатом мира. Но не терял надежды на выход сборной в полуфинал Евро.

Обменивались рукопожатием на прощание.

Лифт возносил Алекса в поднебесную конторы, останавливался, тренькая, и бесшумно открывая свои металлические двери, замирал, как швейцар в ожидании выхода.

Хозяин бесшумно проходил по гулкому испанскому кафелю, открывал дверь адвокатской конторы, на секунду останавливаясь и окидывая все цепким взглядом. Проходил по офису, бросал мимолетные взоры на столы клерков, поворот направо и стеклянные двери его кабинета открывали сразу вид сверху на город. Картина была впечатляющей. Но только в понедельник и только утром. В остальные дни, в суете и делах, взгляд замыливался, и красоты за окном не волновали хозяина.

До прибытия работников, он решил поработать со сложным делом нефтяной компании.

Первый суд начинался уже в среду, и от предоставленных фактов зависело многое. Алекс погрузился в работу и оторвался от нее, когда офис загудел как улей. Он нажал кнопку связи, поздоровался с секретаршей Карелией Львовной, и попросил принести ему чашку кофе.

— Александр Денисович, ваш кофе.

Она поставила поднос на огромный стол, занимавший большую часть комнаты.

— Спасибо. Карелия Львовна, вот документы, перепечатать, учитывая правку. Совещание в 10.00.

— Хорошо, Александр Денисович. Что-нибудь еще?

— Пока нет.

Карелия Львовна улыбнулась и покинула кабинет.

Карелии Львовне было далеко за 40. Но ее профессионализм, аккуратность, педантизм и точность, были по достоинству оценены начальством. Она досталась Алексу от папы, в начале его адвокатской карьеры. Он ни разу не усомнился в ее профессиональных качествах.

Карелия Львовна была поджарой, среднего роста дамой. Всегда высокая и взбитая прическа. Волосы седые, яркой белизны, уложены волосок к волоску. Глаза подведены, ресницы накрашены и тонкий слой помады бледно-розового цвета. Этакая Маргарет Тэтчер в расцвете карьеры. Во всех судах города у нее были знакомые, милочки и красавицы, которые делились с ней информацией и секретами. Она была серым кардиналом секретарш.

В вечных темных костюмах а-ля Шанель. Белой блузке, вариации воротничков в них менялись. То жабо, то огромный бант, то стойка, то отложной. Туфли — классические лодочки на каблучке не выше семи сантиметров.

Карелию Львовну уважало нижестоящее начальство. Она была Госпожой с ордой рабов. Один взмах ее бровей и все в стойке, ждут ее распоряжений.

Алекс был за каменной стеной.

Он выпил кофе, встал, подошел к окну и посмотрел на кишаций людьми город. Руки засунуты в карманы брюк, покачивается с носки на пятку и дымка задумчивости в медовых глазах.

Он расслабил узел шелкового галстука, повернулся и сел за стол, и мыслью его завладела Лика.

« — Черт, что же делать? Расстаться без нервотрепки и упреков. Надо купить что из ювелирки, броское и яркое. Чтобы мысли ее не омрачились расставанием в одночасье».

Сказано, сделано. Хотелось петь не обладая голосом и слухом. Он также осознавал, что юрист его уровня, петь на людях не должен. Все эти соображения его останавливали, но в душе все-таки звучал мощный хор. Академический, имени и ордена всего на свете, не меньше.

10. 00 совещание с ведущими адвокатами. Насущные вопросы, новые неординарные решения и поставленные на день задачи. Сделано.

Встав из-за стола, и, накинув на плечо пиджак, пошел к лифтам.